

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕЩАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства.

15-го мая № 10 1864 года.

УКАЗЪ СВЯТЪЙШАГО СУНОДА.

По возбужденному вопросу, можетъ ли быть дозволено открытіе питейныхъ заведеній на церковныхъ земляхъ, Святѣйшій Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе относящихся до сего предмета законоположеній. При этомъ принято во вниманіе: 1) 316 ст. Закон. Сост. Т. IX воспрещено устроить на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія. 2) Хотя Высочайше утвержденное 4 Юля 1861 года Положеніе о питейномъ сборѣ замѣняетъ собою всѣ, существовавшія до введенія онаго въ дѣйствіе, правила

торговли питьями, тѣмъ не менѣе вышеприведенная 316 стат. остается во всей силѣ до настоящаго времени, такъ какъ въ изданномъ въ 1863 году Продолженіи существующаго Свода Законовъ, статья эта не значится ни дополненою ни измѣненною, или вовсе отмѣненною. 3) Въ Положеніи 4 Іюля нигдѣ не встрѣчается положительнаго правила, которымъ бы прямо разрѣшалось открывать питейныя заведенія на церковныхъ земляхъ; о послѣднихъ не упоминается и въ 248 статьѣ Положенія, указывающей на какихъ земляхъ и какимъ порядкомъ могутъ быть дозволены сіи заведенія. 4) Къ отмѣнѣ же запретительной 316 ст. не представляется уважительныхъ причинъ. Обширность населенныхъ и ненаселенныхъ пространствъ въ Имперіи даетъ желающимъ возможность строить питейныя заведенія, не касаясь церковныхъ земель. 5) Между тѣмъ земли эти въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій охранялись законодательствомъ отъ употребленія несогласнаго съ понятіемъ о назначеніи церковнаго имущества. Именными Высочайшими указами 2 Апрѣля 1817 года № 26,764 и 20 Іюля 1842 года § 316 № 15,872 положительно воспрещено заводить на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія. На основаніи сихъ постановленій правило о неустроеніи означенныхъ заведеній на церковныхъ земляхъ вошло и въ дѣйствующій нынѣ Сводъ Законовъ и при постоянномъ соблюденіи его не могло не сдѣлаться извѣстнымъ народу. По сему Святѣйшій Синодъ нашель, что отмѣна этого, съ давняго времени утвердившагося въ нашемъ законодательствѣ, постановленія была бы, въ ходѣ правительственныхъ распоряженій, актомъ явно противорѣчущимъ духу нашего законодательства и не безсознательнымъ для народа.

Копія съ циркулярнаго предписанія Г. Министра Финансовъ Управляющимъ питейно-акцизными сборами отъ 10 Марта 1864 г. № 532.

На основаніи ст. 316 Т. IX Зак. о Сост., на церковныхъ земляхъ не дозволяется устроить питейныя и трактирныя заведенія. Вслѣдствіе сего, и какъ въ Уставѣ о питейномъ сборѣ нѣтъ прямого указація по сему предмету, нѣкоторые изъ Управляющихъ питейно-акцизными сборами спрашиваютъ разрѣшенія: можетъ ли быть допущена продажа питій на земляхъ, принадлежащихъ церквамъ?

Святѣйшій Синодъ, на обсужденіи коего находился изложенный вопросъ, нашель, какъ нынѣ увѣдомилъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, что приведенная 316 ст. Т. IX. Зак. о Сост., воспрещающая устроить на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія, должна сохранять свою силу и въ настоящее время, такъ какъ въ изданномъ въ 1863 г. Продолженіи къ своду Законовъ изд. 1857 года статья сія не значится ни дополненою, ни измѣненною или отмѣненною.

Поставляя о семъ въ извѣстность Гг. Управляющихъ питейно-акцизными сборами для надлежащаго, въ потребныхъ случаяхъ, руководства и исполненія, считаю нужнымъ при совокупить, что изложенное въ 316 ст. Т. IX. ограниченіе относится исключительно до земель, принадлежащихъ церквамъ Православнаго исповѣданія, не распространяясь на земли церквей другихъ исповѣданій. На земляхъ сихъ послѣднихъ питейныя заведенія, согласно отзыву Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, могутъ быть открываемы не иначе, какъ съ согласія церковнаго причта и сверхъ того по мірскимъ приговорамъ, если церковная земля входитъ въ

— 4 —
черту селеній и съ согласія одного причта въ томъ случаѣ, когда церковная земля не входитъ въ составъ селеній. При этомъ во всякомъ случаѣ, согласно ст. 341 Уст. о питейномъ сборѣ по продолженію 1863 г. (ст. 260. Положенія), поименованныя въ оной питейныя заведенія не должны быть учреждаемы ближе 40 сажень отъ оградъ иновѣрныхъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ во всѣ стороны.

РАСПОРЯЖЕНІЯ

Епархіальнаго Начальства.

ЗАПИСКА

Члена Нижегородскаго епархіальнаго пенсіоннаго комитета, священника Дмитрія Страхова, по предмету обезпеченія пенсіями заштатнаго и сиротствующаго духовенства Нижегородской Епархіи.

II.

Общія предположенія по основанію мѣстнаго пенсіоннаго учрежденія.

9. *Раздѣленіе предположеній.* Предположенія по пенсіонному учрежденію могутъ касаться: 1, его основаній и 2, его подробностей. Первые назовемъ общими, а вторыя частными.

10. *Основанія учрежденія.* Цѣль учрежденія комитета состоитъ въ томъ, чтобы изъ мѣстныхъ средствъ, не находящихся въ вѣдѣніи правительства составить капиталъ, достаточный для обезпеченія заштатнаго и сиротствующаго духовенства нижегородской епархіи. Какъ же долженъ быть великъ тотъ капиталъ? Какими именно средствами онъ можетъ быть составленъ? Въ какомъ отношеніи онъ долженъ стоять къ суммамъ попечительства и капиталу правительства? Долженъ ли онъ быть соединенъ съ тѣми или другимъ, или будетъ самостоятельный въ смыслѣ общественной епархіальной кассы? Вотъ вопросы, которые прежде всего подлежатъ обсужденію комитета. Счастливый исходъ задуманнаго предпріятія, если не вполнѣ, то много зависитъ отъ счастливаго рѣшенія поставленныхъ вопросовъ.

1. КАПИТАЛЬ.

11. *Способъ рѣшенія вопроса.* Достаточность пенсіоннаго капитала обусловливается: 1, числомъ пенсіонеровъ и 2, количествомъ пенсій. Итакъ, чтобы рѣшить какъ великъ долженъ быть проектируемый капиталъ, нужно напередъ приблизительно опредѣлить постоянное число пенсіонеровъ и величины пенсій.

12. *Число пенсіонеровъ.* Наличнаго духовенства въ нижегородской епархіи считается болѣе 3150 чел.; заштатнаго, среднимъ числомъ по 12-тилѣтней сложности, до 240 ч. Число ежегодно умирающаго духовенства нами не отыскано; но оно можетъ быть приблизительно опредѣлено числомъ лицъ ежегодно опредѣляемыхъ на священноцерковнослужительскія мѣста. Такихъ, также среднимъ числомъ по 12-тилѣтней сложности, приходится по 76 чел. въ годъ. Такъ образ. число заштатныхъ и опредѣляемыхъ показывается, что ежегодное число пенсіонеровъ не можетъ быть менѣе 316 чел. Но изъ 3150 легко можетъ быть и болѣе — по случайнымъ причинамъ, которыхъ умъ человѣческій не можетъ ни предотвратить, ни даже предусмотрѣть.

рѣть. Предположимъ же для безопасности, что постоянное число пенсіонеровъ у насъ будетъ—400 семействъ.

13. *Размѣры пенсій.* Желательно, чтобы проектируемыя пенсіи были довольно значительны по быту духовенства, чтобы онѣ не были похожи на скудныя попечительскія вспоможенія, но служили бы дѣйствительнымъ обезпеченіемъ немощи, старости и сиротства. А такія пенсіи представляются намъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

I, по 350 р.; II, по 315 р.; III, по 280 р.; IV, по 245; V, по 210; VI, по 175; VII, по 140; VIII, по 105; IX, по 70; X, по 35; а среднимъ числомъ по 192 р. на каждого (см. ниж. 38).

14. *Величина капитала.* Помноживъ 192 рубля на 400 получателей, мы получаемъ въ произведеніи 76.800 р., слѣдующихъ, по исчисленію, ежегодно къ отпуску на пенсію. Значило бы потому, что проектируемый капиталъ долженъ восходить до 2 милліоновъ рублей. Цифра для мѣстныхъ средствъ слишкомъ большая. Но здѣсь взяты пенсіи всѣ полныя. Между тѣмъ онѣ никогда не могутъ быть всѣ полныя, но въ большемъ количествѣ будутъ половинныя, третныя и т. д., смотря потому на сколько частей раздѣлены будутъ полныя. Опредѣлимъ срокъ на полную пенсію въ 35 лѣтъ и раздѣлимъ пенсію на 7 частей, такъ что $\frac{1}{7}$ —будетъ даваться чрезъ X лѣтъ, $\frac{2}{7}$ —чрезъ XV. $\frac{3}{7}$ —чрезъ XX, $\frac{4}{7}$ —чрезъ XXV, $\frac{5}{7}$ —чрезъ XXX, и $\frac{7}{7}$ —чрезъ XXXV, (см. § 34 и таб. i). По этому предположенію возможенъ слѣдующій расчетъ:

пенсіонер.	части пенсій.	сумма частей.	общая сумма.
67 чел.	по $\frac{1}{7}$	$(67 \times 27) = 1.809$ р.	
67 ч.	по $\frac{2}{7}$	$67 \times 54 = 3.618$ р.	
67 ч.	по $\frac{3}{7}$	$67 \times 84 = 5.494$ р.	39.940 р.
67 ч.	по $\frac{4}{7}$	$67 \times 111 = 7.370$ р.	
67 ч.	по $\frac{5}{7}$	$67 \times 137 = 9.169$ р.	
65 ч.	по $\frac{7}{7}$	$65 \times 192 = 12.480$ р.	

Такимъ образомъ общая сумма ежегодно выдаваемыхъ пенсій, по сдѣланному расчисленію, будетъ восходить до 40.000 р., а самый пенсіонный капиталъ долженъ быть не менѣе 1 милліона рублей.

2. СРЕДСТВА.

15. Какъ составить такой капиталъ? Гдѣ средства? Есть ли онѣ у насъ? Да еще возможны ли онѣ?

Указаніе средствъ. Средства, которыми можетъ быть составленъ вышеисчисленный капиталъ, могутъ заключаться 1, въ добровольныхъ и неопредѣленныхъ пожертвованіяхъ и 2, въ обязательныхъ взносахъ.

16. *Пожертвованія.* Пожертвованія могутъ слѣдовать: а) отъ соборныхъ и приходскихъ церквей изъ кошелековыхъ суммъ; б) отъ церковныхъ причтовъ изъ общихъ доходовъ; в) отъ монастырей и д) отъ частныхъ лицъ всѣхъ сословій.

17. *Обязательные взносы.* Обязательные взносы могутъ слѣдовать отъ церквей и священноцерковнослужителей.

18. *Возможность указанныхъ средствъ:*

а) *Пожертвованій.* О возможности пожертвованій конечно никто не будетъ спорить. Мѣстное православное общество, и особенно духовное, безъ сомнѣнія, не откажется по временамъ приносить посильныя жертвы на дѣло доброе, нужное и общепольное. Но противъ обязательности опредѣленныхъ взносовъ могутъ пожалуй и возразить намъ. Можно ли, скажутъ, требовать отъ церквей взносовъ въ пользу духовенства? Да и самое духовенство можно ли

обязывать къ взносамъ хотя бы они были и въ пользу его самого? Спѣшимъ предупредить такія возраженія.

19. б) *Обязательныхъ взносовъ отъ церквей.* Первое возраженіе рѣшается уже извѣстнымъ положеніемъ: «служащіе олтарю отъ олтаря питаются,» положеніемъ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ повсюду принятомъ за аксіому, за правило, за законъ. Въ силу его служащіе олтарю пользуются тѣмъ, что приносится олтарю. Въ силу его же конечно дано духовенству право пользоваться и частію церковныхъ суммъ. Такъ свѣчныя деньги всѣ сполна поступаютъ на духовенство. И самыя кошелековыя суммы дозволяется употреблять на построеніе, отопленіе и ремонтъ домовъ для причтовъ. Но почему же бы не приложить употребленіе кошелековыхъ суммъ къ данному случаю т. е., къ призрѣнію заштатнаго и сиротствующаго духовенства? Такое употребленіе ихъ было бы употребленіемъ достойнымъ и праведнымъ: онѣ, чрезъ руки меньшихъ братій шли бы прямо Христу Спасителю. Нужно только опредѣлить взносы на этотъ предметъ такъ, чтобы они не были въ тягость церквамъ.

20. с) *Обязательныхъ взносовъ отъ духовенства.* Что касается духовенства, то способъ общественнаго и частнаго обезпеченія и вспоможенія, состоящій въ обязательности опредѣленныхъ денежныхъ взносахъ, вовсе не новость. Онъ давнымъ давно существуетъ, признанъ необходимымъ, вездѣ принятъ и употребляется даже самимъ духовенствомъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ обезпечиваются движимыя и недвижимыя имущества, доходы пожизненные и доходы малолѣтнихъ. Такъ устрояются общества взаимнаго вспоможенія и застрахованія. Такъ въ вѣдомствахъ, гдѣ положены пенсіи отъ правительства, производятся вычеты изъ мѣсячнаго жалованья служащихъ. На томъ же основаніи учреждены въ иныхъ вѣдомствахъ эмеритальныя кассы; и вычетъ для этихъ кассъ, напр. по военному вѣдомству,

производится значительный, именно по 6% съ рубля. Почему же и духовенству не прибѣгнуть къ этому способу для обезпеченія себя въ отставку? Нѣтъ, оно должно прибѣгнуть и даже не можетъ не прибѣгнуть, если только оно дѣйствительно и искренно желаетъ себѣ добра: потому что безъ обязательныхъ отъ него взносовъ пенсіонный капиталъ, какъ сейчасъ увидимъ, даже и не мыслимъ.

21. *Что обѣщаютъ указанныя средства?* И такъ всѣ вышеуказанныя средства представляются возможными и всѣ могутъ быть приложены къ дѣлу. Но чтоже онѣ обѣщаютъ каждое порознь и всѣ вмѣстѣ?

22. а) *Пожертвованія.* Отъ пожертвованій ожидать много не видится основаній. Это неопредѣленные и случайныя средства. Отъ этаго они въ одинъ годъ могутъ быть чаще, а въ другой рѣже; нынѣ изъ нихъ составитъ значительная сумма, а въ слѣдующій разъ маловажная и пожалуй ничтожная. А всего вѣроятнѣе, пожертвованія на нашъ предметъ будутъ слѣдовать въ уменьшающейся пропорціи. На первыхъ порахъ онѣ будутъ значительны какъ въ числѣ, такъ и въ общей суммѣ; а тамъ — что дальше, то меньше. Вообще же полагаемъ, что средняя сумма ихъ едва ли будетъ превышать 500 или ужъ много 700 рублей въ годъ. А 500 р. чрезъ 35 лѣтъ дадутъ всего до 18.000 р. Нужно столѣтнее терпѣніе, чтобы изъ такой суммы составить требуемый капиталъ.

23. б) *Обязательные взносы отъ церквей.* Больше можно ожидать отъ обязательныхъ взносовъ изъ церковныхъ кошелековыхъ суммъ. Это средство имѣетъ уже и ту несомнѣнную выгоду, что не подлежитъ измѣненію. Но и сумма его будетъ больше. Въ нашей епархіи считается до 800 церквей. Полагая, что каждая изъ нихъ (среднимъ числомъ) будетъ вносить по 3 рубля въ годъ, мы получаемъ

отъ нихъ въ сложности до 2400 рублей, которые чрезъ 35 лѣтъ составятъ сумму до 87.000 р. Сумма сама по себѣ конечно значительная, но для цѣли далеко недостаточная: потому что 87 тысячъ р. даютъ процентовъ, по 4% съ рубля, всего до 3.480 р. въ годъ.

24. с) *Обязательные взносы отъ духовенства.* Несравненно больше общаютъ обязательные взносы отъ духовенства. Священноцерковнослужителей въ нашей епархіи считается болѣе 3000 чел., но мы беремъ круглое число— 3000 ровно. Полагаемъ, что каждое лице будетъ вносить, средн. числомъ, по 5 р. 50 к. въ годъ (см. § 37 въ примѣч.). Такимъ образомъ обязательные взносы отъ духовенства постоянно будутъ давать сумму въ 16.500 р., что чрезъ 35 лѣтъ, съ процентами, составитъ до 1.197.000 р. (см. Табл. 1). А это и есть тотъ самый капиталъ, который, по выше сдѣланному исчисленію (§ 14) нуженъ для удовлетворенія мѣстнаго духовенства пенсіями. Но бѣдное приходское духовенство безъ сомнѣнія будетъ желать, чтобы выдача пенсій была начата чрезъ 5 или по крайней мѣрѣ чрезъ 10 лѣтъ, со времени перваго взноса. Желаніе естественное. Какъ не пожелать себѣ лучшаго. Мы и сами той мысли, что чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. А въ такомъ случаѣ, т. е. если выдача начнется не только что чрезъ 5, но даже и чрезъ 10 лѣтъ, капиталъ, имѣющій составить изъ взносовъ духовенства, чрезъ 20 лѣтъ окажется не состоятельнымъ, и съ того времени наше пенсіонное зданіе должно будетъ годъ отъ году разрушаться.

25 *Выводы изъ предыдущаго.* Предыдущее разсмотрѣніе средствъ даетъ слѣдующіе выводы:

а) Выше опредѣленные средства, взятая порознь, несостоятельны; но взятая въ совокупности могутъ привести къ желанной цѣли. Ихъ общая сумма будетъ восходить: годич-

ная до 19.400 р. пятигодовая — до 99.910 р., десятигодовая — до 218.700 р. Последняя сумма, съ приложеніемъ къ ней ежегоднаго прихода въ числѣ 19.400 р., даетъ уже возможность начать выдачу пенсій чрезъ 10 лѣтъ, и не смотря на то къ 36-му году возрастетъ до 604,310 р. Этотъ наличный капиталъ даетъ процентовъ за 1 годъ до 24.172 р. Къ нимъ присоединяется ежегодный приходъ въ 19.400 р., который предполагаетъ существованіе номинальнаго капитала въ 490.000 р. Итого весь пенсіонный капиталъ, дѣйствительный и номинальный, будетъ состоять изъ 1.094.310 р. Общая сумма годоваго дохода съ означеннаго капитала будетъ простираться до 43.772 р. Изключивъ изъ нихъ 39.940 р., назначенныхъ на выдачу пенсій, получаемъ въ остаткѣ 3.832 р. (см. таб. II.). Что и требовалось доказать.

б) Поелику указанная средства могутъ привести насъ къ цѣли не иначе, какъ только своею совокупностію; то онѣ должны быть приняты всѣ безъ исключенія: обязательные взносы отъ духовенства въ качествѣ средства главнаго и основнаго; а обязательные взносы отъ церквей и разныя пожертвованія въ качествѣ средствъ второстепенныхъ и вспомогательныхъ.

3. ЗНАЧЕНІЕ КАПИТАЛА.

26. *Самостоятельность капитала въ смыслѣ общественной епарх. пенсіон. кассы.* Опредѣлившееся значеніе средствъ, которыми можетъ быть образованъ мѣстный пенсіонный капиталъ, само собою опредѣляетъ значеніе и самаго капитала. Мы выразимъ это значеніе въ немногихъ словахъ. Проектируемый капиталъ для духовенства нижегородской епархіи долженъ существовать самостоятельно и независимо. Т. е. съ одной стороны онъ не долженъ быть соединяемъ ни съ суммами мѣстнаго попечительства, ни съ пенсіоннымъ капиталомъ правительства, но стоитъ особо въ смыслѣ общественной епархіальной

пенсіонной кассы; а съ другой—не долженъ быть завѣдуемъ ни попечительствомъ ни консисторіей, но имѣеть свое самостоятельное управленіе.

27. *Переходъ къ послѣдующему.* Таковы наши общія начальныя предположенія по основанію въ епархіи особаго пенсіоннаго учрежденія. Намъ представляются онѣ приблизительно вѣрными, и потому мы уже съ нѣкоторою смѣлостію приступаемъ къ изложенію нашихъ частныхъ предположеній по подлежащему предмету.

Е. В. Выходятъ 1 и 15 Цѣна въ редакціи 4 р. числа каждаго мѣсяца. а съ доставкою 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Нижегородской Духовной Семинаріи.

Дозволено цензурой 15 Мая 1864 года. Цензоръ. Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Гуеналій*.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ

СОДЕРЖАНІЕ—Св. Іоанна Златоустаго о неходящихъ въ церковь.— 22 Апрѣля 1864 г.—Разрѣшеніе недоумѣній.—Св. жены у гроба Господня (стихотвор.)—Праздникъ преполовенія.—Сельскія сцены на Пасхѣ (окончаніе.)

Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго о неходящихъ въ церковь (*).

Всѣ вы нынѣ въ радости, а я—я одинъ въ печали. Смотрю на духовное море,—это несмѣтное стяжаніе Церкви, и думаю, что по прошествіи праздника все сіе множество опять быстро разойдется, сокрушаюсь, болѣзнуя, что Церковь, породивъ столько чадъ, можетъ ими утѣшаться только въ годовые праздники, а не каждую службу. Какое было бы духовное веселіе и какая радость, какая слава для Бога и польза для душъ, если бы мы каждую службу видѣли церкви такъ наполненными! Корабельщики и кормчіе все дѣлають, чтобы только переплыть море и войти въ пристань; а мы, напротивъ, хотимъ безпрестанно носиться по морю, всегда погружаться въ волнахъ житейскихъ дѣлъ, вращаться на площадяхъ и въ судилищахъ, сюда же приходитъ, во весь годъ, едва одинъ разъ, или два раза. Или вы не знаете, что Богъ устроилъ въ городахъ церкви, какъ на морѣ пристани, дабы мы, убѣгая сюда отъ бурь и смятеній житейскихъ, находили здѣсь наибольшую тишину?

(*) Заимств. изъ Христіанск. Чтен. 1841 г.

Здѣсь нѣчего бояться ни обуреванія волнъ, ни нападенія разбойниковъ, ни нашествія грабителей, ни ярости вѣтровъ, ни лютой звѣрей: сія пристань свободна отъ всего этого; она—духовная пристань душъ. И вы сами можете засвидѣтельствовать истину сказаннаго. Если бы кто изъ васъ раскрылъ теперь свою совѣсть, то нашелъ бы въ ней великое безмятежіе: ни гнѣвъ не волнуется, ни похоть не воспламеняетъ, ни ненависть не иссушаетъ, ни гордость не надмевааетъ, ни тщеславіе не снѣдаетъ; всѣ сіи звѣри укрощены; слышаніе Божественныхъ Писаній входитъ въ душу каждаго чрезъ слухъ и, какъ нѣкое Божественное обаяніе, усыпляетъ сіи безсловесныя страсти. Какъ же не скорбѣть о тѣхъ, которые, имѣя возможность пріобрѣсть себѣ такое любомудріе, не часто обращаются и приходятъ къ общей матери всѣхъ—Церкви? Какое бы ты представилъ мнѣ занятіе необходимѣе сего? Какое собраніе полезнѣе? Или что тебѣ препятствуетъ это дѣлать? Скажешь, безъ сомнѣнія, что бѣдность тебѣ не позволяетъ бывать при такомъ славномъ собраніи? Но это предлогъ неизвинительный. Въ недѣли семь дней; и сіи семь дней Богъ раздѣлилъ съ нами не такъ, чтобы себѣ взялъ болѣе, а намъ далъ менѣе; Онъ раздѣлилъ ихъ даже и не по поламъ: не три взялъ и не три далъ, но тебѣ отдѣлилъ шесть дней, а себѣ оставилъ одинъ; а ты даже и въ этотъ весь не хочешь воздержаться отъ дѣлъ житейскихъ; но, что дѣлаютъ святотатцы, на то дерзаешь и ты по отношенію къ сему дню, похищая и употребляя его на житейскія заботы, тогда какъ онъ освященъ и назначенъ для слушанія духовныхъ ученій. Но что говорить о цѣломъ днѣ? Что сдѣлала вдовица по отношенію къ милостынѣ (Марк. 12, 42, и слѣд.), то дѣлай и ты по отношенію ко времени дня. Та положила двѣ лепты и заслужила великое благоволеніе у Бога; и ты употреби для Бога два часа, и внесешь въ домъ твой добычу безчисленныхъ дней. А если не можешь, то смотри, чтобы тебѣ не погубить трудовъ цѣлыхъ лѣтъ за то, что не хочешь на малую часть дня воздержаться отъ земныхъ пріобрѣтеній. Богъ, когда забываютъ Его, умѣетъ и расточать собранныя сокровища. Такъ Онъ угрожалъ

Иудеямъ, когда они вознерадѣли о храмѣ: *внесете я т. в. сокровища въ дома ваши и отдухъ я глаголетъ Господь* (Агг. 1, 9).

22-е Апрѣля 1864 г.

22-е минувшаго Апрѣля было, безъ сомнѣнія, сугубо-великимъ торжествомъ для всей православной Россіи: къ великому ликованію въ память свѣтлаго воскресенія Господа нашего І. Христа присоединилось еще въ этотъ день высокое торжество въ честь дорогаго для русскаго сердца возлюбленнаго Государя нашего.

Многознаменательное для насъ совпаденіе Празднествъ!—Значеніе воскресенія Христова въ судьбѣ рода человѣческаго безъ сомнѣнія понимаетъ всякій христіанинъ. Изъ одного торжественнорадостнаго и глубоконазидательнаго Богослуженія пасхальнаго всякій могъ понять, что воскресеніе Господа—это вѣнецъ того необъятнаго подвига, который совершилъ Сынъ Божій, чтобы избавить родъ человѣчскій отъ духовнаго растлѣнія, отъ нравственной мертвенности, въ которой коснѣлъ онъ—преступный и безпомощный,—чтобы избавить его отъ рабства грѣху, смерти и діаволу; всякій могъ понять, что воскресеніемъ своимъ Господь завершилъ и запечатлѣлъ сіе дѣло освобожденія рода человѣческаго отъ духовнаго рабства. Такимъ образомъ торжество воскресенія Христова есть всемірное торжество духовной свободы рода человѣческаго.

Что же для насъ другое торжество упомянутаго дня?—О! дорогъ долженъ быть для сердца каждаго русскаго

этотъ день, въ который получилъ драгоцѣнное для насъ бытіе свое нынѣ царствующій Богоизбранный нашъ Государь. Да! не обинуясь скажу—Богоизбранный... Думалъ ли кто въ первый день бытія Его, что день этотъ будетъ высокимъ и близкимъ для сердца торжествомъ всей Россіи? —Но—*въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней* (Сир. 10, 4),—и воздвигъ Господь для насъ сего потребнаго въ лицѣ возлюбленнаго Государя нашего, и воздвигъ во время. Кто изъ насъ чистосердечно не сознается нынѣ, что, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, неотрадно было наше прошедшее? Общественныя язвы, которыми болѣло наше отечество, до того извѣстны, что нѣтъ нужды распространяться о нихъ, и до того глубоки были онѣ, что и доселѣ неизгладились еще и нескоро еще конечно изгладятся окончательно слѣды ихъ:—вѣковыя общественныя болѣзни неизлечиваются въ какой нибудь десятокъ лѣтъ. Одно только самообольщеніе или же фарисейское лицемѣріе не захотятъ развѣ сознаться въ томъ, что дѣйствительно настояло время избавиться нашему отечеству отъ того гражданскаго растлѣнія, которымъ глубоко заражены были все слои общества. И—благодареніе Богу!—Онъ воздвигъ потребнаго на сіе великое дѣло Государя, который, по своему любвеобильному человѣколюбію, употребляетъ всевозможныя при настоящихъ обстоятельствахъ средства, чтобы уврачевать наши общественныя язвы, и утишить боли, сопряженныя съ ними.

Немогу не вспомнить при этомъ, съ какими живыми и крѣпкими надеждами, съ какой предупредительной и восторженной любовью встрѣчено было русскимъ народомъ настоящее царствованіе. (*) Помню: убійственно-тяжело по дѣйствовала на народъ съ неистижимою быстротою разнес-

(*) Пишущій эти строки былъ въ то время непосредственнымъ свидѣлемъ и наблюдателемъ народнаго умонастроенія по случаю переменъ царствованія.

шаяся вѣсть о кончинѣ, въ Бозѣ почившаго, Государя, въ которомъ русскій народъ привыкъ олицетворять свою государственную крѣпость и силу,—какъ будтобы съ Его смертію надломилась и самая государственная мощь наша; но въ тоже время тяжкое горе о великой потерѣ умѣрилось какимъ-то восторженнымъ, полнымъ безпредѣльной любви къ воцарившемуся преемнику, настроеніемъ, и съ устъ народа не сходили многознаменательныя слова: «это Отецъ нашъ, благодѣтель нашъ!» Нельзя не подивиться этому необъяснимому народному чутью, которое такъ пророчески—вѣрно проникло въ будущее. Въ устахъ народа не есть ли это гласъ самаго Бога, свидѣтельствующаго о своемъ избранникѣ, котораго воздвигъ онъ на потребу русской земли?

Кто же не видитъ теперь, что не напрасны были народные надежды? Кому не очевидно, что отечество наше мало по-малу освобождается отъ своихъ общественныхъ недуговъ?—Вотъ уже уничтожено крѣпостное право, во многихъ случаяхъ низводившее нашу меньшую братію до степени унижительнаго рабства и вносившее съ собою растлѣніе едва ли не во весь общественный бытъ нашего государства; улучшается судоустройство и судопроизводство, учреждаются на болѣе человѣколюбивыхъ и свободныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе твердыхъ началахъ, и избавляя тѣмъ—однихъ отъ рабства буквѣ и отжившимъ преданіямъ, а другихъ отъ рабства противозаконному произволу; спалъ съ насъ гнетъ зловредныхъ для общественной жизни монополій, давая тѣмъ широкій просторъ и свободу промышленности и торговлѣ; наука, бывшая прежде достояніемъ меньшинства, теперь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ нашего просвѣщеннаго Государя, поставляется въ условія гораздо болѣе благопріятствующія тому, чтобы получить ей болѣе широкіе размѣры и сдѣлаться благотворнымъ достояніемъ большинства; мысль и слово получили широкій просторъ и замѣтнымъ образомъ избавляются отъ своей прежней немощи.—Но достаточно и этаго, чтобы видѣть харак-

теръ тѣхъ мѣръ, которыя употребляетъ Государь нашъ для врачеванія общественныхъ недуговъ: съ одной стороны уничтожается все, что, отживши, стѣсняло нашу общественную жизнь и сковывало ее до безотраднaго оцѣненія, а съ другой употребляются всѣ мѣры къ тому, чтобы возбудить наши общественныя силы къ свободной—самостоятельной дѣятельности. И виновникомъ всего этого, можно сказать исключительно, одинъ Богоизбранный нашъ Государь. Послѣ этого какъ же не смотрѣть намъ на день его рожденія, какъ на такой день, въ который Господу Богу угодно было положить начало освобожденію нашему отъ гражданскаго рабствa.

Такимъ образомъ упомянутый день, будучи всемірнымъ торжествомъ духовной свободы человѣчества, въ частности для Россіи былъ въ тоже время и долженъ быть высоко-радостнымъ торжествомъ ея гражданскаго обновленія. Я не говорю уже про тѣ миллионы русскихъ людей, у которыхъ для обожаемаго Государя нѣтъ и названія другаго какъ только: «Царь—освободитель»:—для нихъ день его рожденія долженъ быть и былъ, безъ сомнѣнія, торжественно—радостнымъ празднествомъ ихъ гражданской свободы. Смѣю думать, что не ради одного приличія или по обязанности, а съ радостною готовностію спѣшатъ всегда въ Храмъ Божій всѣ вѣрные сыны отечества, чтобы въ этотъ нарочитый день съ искреннимъ усердіемъ и полнымъ участіемъ присоединиться къ торжественнымъ молитвамъ церкви о здравіи, долгоденствіи и благоденствіи Благодаровавшаго намъ Государя.

Да, вѣрные и благіе сыны отечества, усердна и крѣпка должна быть молитва наша за Благочестивѣйшаго Государя нашего. Много сдѣлалъ Онъ для блага нашего отечества, многое далъ Онъ намъ для обновленія нашей гражданской жизни; но надѣемся и убѣждены, что сдѣлаетъ и дастъ Онъ еще больше, если это будетъ нужно. А эта нужда

зависитъ рѣшительно отъ насъ. На долю нашего отечества, вслѣдствіе неотразимыхъ историческихъ событій, выпала та, несовсѣмъ отрадная необходимость, что всегда почти не жизнь наша идетъ впереди государственныхъ учреждений, а государственныя учрежденія идутъ впереди нашей жизни, такъ что намъ всегда приходится доростать и довоспитываться до полнаго соответствованія нашей жизни государственнымъ учрежденіямъ. Поэтому только тогда законны будутъ наши желанія большаго относительно нашей гражданственности, когда жизненная сила даруемыхъ намъ для сего учреждений всецѣло проникнетъ нашу общественную жизнь, когда она вся, такъ сказать, перельется въ нашу жизнь. Какъ достигнуть этого—нетрудно понять. Съ одной стороны—строго—неуклонное и искренне—усердное подчиненіе существующимъ учрежденіямъ, а съ другой—искренне—благонамѣренное и неутомимо—ревностное наблюдение за строгимъ сохраненіемъ этихъ учреждений,—вотъ тѣ средства, которыми (и только ими) мы можемъ воспитать себя въ духѣ даруемыхъ намъ учреждений, довести нашу жизнь до уровня этимъ учрежденіямъ и тѣмъ вызвать необходимость новыхъ совершеннѣйшихъ учреждений, которыя бы далѣе и далѣе повели насъ по пути гражданскаго преспѣванія. Итакъ, если мы желаемъ получить большее что для нашей гражданской жизни, то прежде всего должны оставить то апатичное отношеніе къ общественнымъ интересамъ, въ которомъ, надо говорить правду, не даромъ упрекаютъ насъ. Что обольщать себя? Кто безпристрастно вникалъ въ самага себя и окружающую его среду, тотъ долженъ сознаться, что къ большей части изъ насъ относится это горькое слово истины. Любвеобильный Государь нашъ даетъ намъ все, что нужно для нашего гражданскаго обновленія,—для того, чтобы сдѣлаться намъ свободными—полными жизни сынами отечества,—а мы что? Да что мы,—живемъ себѣ, какъ Богъ послалъ, самодовольные своимъ прозябніемъ, и не чуемъ почти благотворнаго вѣянія новой жизни, какъ будто все, что дѣлается для насъ, дѣлается тамъ гдѣ-то.... за тридевять земель въ тридесатомъ государствѣ. Какъ похожи мы въ этомъ случаѣ на

отчаяннаго больнаго, которому мало того, чтобы дать только лекарство, а нужно помочь, иногдаже и заставить проглотить его. Боже-мой, Боже-мой! ужели же настолько болѣзненно-немоощенъ нашъ общественный организмъ!... Случается, правда, и очень не рѣдко, что мы живо и къ сердцу принимаемъ даруемая намъ улучшенія, вскипятимся мы и патриотизмомъ и разными благородными чувствами и жаждой благотворной дѣятельности, но что же изъ всего этаго выходитъ?—Исходъ большею частію обыкновенный: всѣ наши благородные порывы такъ же быстро утихаютъ, какъ и возникаютъ. Пожалуй мы и накричимся досыта и нашумимъ вдоволь своими, часто и очень часто не совсѣмъ толковыми, хлопотами, но проходитъ первое впечатлѣніе, — и прощай всѣ наши благородные порывы!—дѣло надоѣдаетъ, и поворачиваемъ мы на прежнюю колею, спокойно и самодовольно погружаясь въ прежнюю апатію. Что это — признакъ ли нашей азіятской натуры, любящей завладѣть дѣломъ сразу и охладѣвающей при одномъ представленіи продолжительнаго труда, или же это признакъ молодости нашихъ силъ, не окрѣпшихъ еще въ трудахъ гражданской жизни и потому нетерпѣливыхъ? О, дай Богъ, чтобы было послѣднее! Въ такомъ случаѣ зло еще поправимо: опыты гражданской жизни, безъ сомнѣнія, умудрятъ насъ и укрѣпятъ наши силы. А для этаго мы должны, на сколько способны къ тому наши молодая силы, съ неослабной энергіей, съ непоколебимой твердостью и правотою поддерживать и проводить въ нашу общественную жизнь даруемая намъ благія, полная любви и свободы, учрежденія. Только чрезъ это мы воспитаемъ и укрѣпимъ въ себѣ, необходимый для общественной дѣятельности, высокій духъ гражданской доблести, и тѣмъ докажемъ тогда, что мы способны и готовы уже принять и большее для нашей гражданской жизни. Этимъ же самымъ мы докажемъ и свою любовь и благодарность благодѣющему намъ Государю: постоянныя и неослабно-усердныя заботы наши о своемъ благосостояніи, къ чему направлены всѣ даруемая намъ учрежденія, доста-

вать истинное ни съ чѣмъ несравнимое, торжество для Его любвеобильнаго сердца.

Не могу умолчать приэтомъ объ одномъ—весьма и весьма неотрадномъ—явленіи нашей общественной жизни, которое такъ много мѣшаетъ намъ на поприщѣ нашей общественной во благо отечества дѣятельности. Каждый изъ насъ знаетъ, конечно, не мало такихъ лицъ (исключенія у насъ эти лица, но исключенія нерѣдкія), которые полны благороднаго рвенія къ общественному благу, которые всѣ силы свои употребляютъ на благотворное служеніе обществу, — и которые между тѣмъ успѣваютъ такъ мало, что не стоило, по видимому, и хлопотать; а что еще хуже — которые, выбившись изъ силъ, иногда и вовсе бросаютъ свои благія начинанія. Отъ чего это?—Отъ того, что въ нашу натуру почти обратилось — дѣйствовать каждому отдѣльно, единично, что называется — про себя. Какого успѣха можно ожидать отъ насъ на поприщѣ нашей гражданственности, когда мы такъ эгоистично и себялюбиво относимся къ общественнымъ дѣламъ! Вѣдь нужно имѣть гигантскія силы, чтобы быть въ состояніи одному совершать общественныя дѣла, но люди съ такими силами рождаются вѣками... Нѣтъ не такъ созидаются общественныя дѣла: общественное дѣло для своего успѣха требуетъ и усилій общихъ и единоподушныхъ. Посмотрите, какъ дѣлается это въ другихъ государствахъ, опередившихъ насъ своею гражданской мудростію. Тамъ нѣтъ почти ни одного блага начинанія, въ пользу котораго необразовалось бы цѣлаго общества. Да и нельзя иначе. Невозможно же Правительству своими учрежденіями обнять нашу жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и случайностяхъ. Вотъ тутъ-то и необходимы эти общества: они должны служить опорой для правительственныхъ учреждений, силой, чрезъ которую эти учрежденія прививаются къ нашей жизни и развиваются въ ней въ своихъ мельчайшихъ и даже случайныхъ подробностяхъ. Къ несчастію подобный образъ дѣйствій непривился или же плохо привился къ нашей гражданственности, да и не можетъ при-

виться надлежащимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы не начнемъ дѣла съ того, съ чего слѣдуетъ начать. Мы вздумали пересадить растеніе, неприготовивши для него почвы. Въ западно-европейскихъ государствахъ образованіе подобныхъ обществъ дѣло возможное и не безплодное: тамъ больше или меньше улеглась уже сословная борьба, и, добывши для своей гражданственности большую или меньшую равноправность, вмѣсто прежней сословной враждебности получила характеръ больше или меньше благороднаго соревнованія къ общественнымъ интересамъ. Должно сознаться, что мы далеко назади въ этомъ отношеніи. Наши сословныя отношенія, можно сказать, переживаютъ еще только фазисъ враждебности. Но слава Богу! — утѣшительный поворотъ къ лучшему, конечно, для всякаго замѣтенъ. Разрозненность нашихъ сословій, разрозненность сословныхъ интересовъ была до того поразительна, что не могла не обратить на себя вниманія благопопечительнаго Правительства. И вотъ оно первое начало великое дѣло сближенія и объединенія нашихъ сословій, положивъ въ основаніе этаго гражданскую равноправность. Наше дѣло умѣть воспользоваться даруемыми намъ благами, наша священная обязанность продолжать это дѣло сближенія, подавъ другъ другу руку единства и братства. Пусть же каждое дѣло, касающееся одного сословія, будетъ общимъ дѣломъ и всѣхъ другихъ сословій! Вѣдь мы всѣ члены одного и того же отечества, — не странно ли поэтому одни общественныя дѣла считать своими, а другія чужими? Развѣ можно раздѣлить живой организмъ государственнаго тѣла на его составныя части и заставить каждую часть жить отдѣльно? — А мы это самое и дѣлаемъ, когда, изъ-за сословныхъ предразсудковъ, разрозниваемъ общественные интересы. За то и плоды получаемъ достойные — немощь, растлѣніе и мертвенность... О если бы мы, подавъ другъ другу руку единства и братства, не порознь, а всѣ вмѣстѣ, единодушно, рука-объ-руку пошли на общее дѣланіе, какъ успешно и гармонично пошли бы наши общественныя дѣла, какихъ громаднхъ результатовъ можно было бы ожидать отъ такой дѣятельности для нашей гражданской жизни!

Конечно желаемое сближеніе и объединеніе сословій у насъ — въ Россіи дѣло до невѣроятности трудное. И между отдѣльными лицами сближеніе и единство возможно только подъ условіемъ единства внутренняго, — единства понятій, единства взгляда на жизненные предметы. Тоже должно сказать и о сближеніи цѣлыхъ сословій: никакая сила не сблизится и не объединитъ ихъ, если не объединятся они по своему умственно-нравственному развитію. Но поглядите, какая пропасть образовалась у насъ, въ этомъ отношеніи между высшими и низшими сословіями! Никого нельзя винить въ этомъ: явленіе это неизбежно, иначе и не могло быть. Таковы уже историческія судьбы русскаго народа, что на его долю выпала необходимость пользоваться во многихъ случаяхъ готовыми результатами гражданственности, добытыми у другихъ народовъ, а въ такомъ случаѣ жизнь всегда начинается и крѣпнетъ прежде въ верхнихъ слояхъ общества и потомъ уже проникаетъ въ низшіе слои гражданъ, такъ что послѣдніе необходимо по этому остаются далеко назади своихъ болѣе счастливыхъ соотечественниковъ. И такъ гдѣ же та точка, которая должна служить опорой для сближенія и объединенія нашихъ сословій? — Всѣ надежды свои многіе возлагаютъ на науку, которая, разливая свѣтъ просвѣщенія въ народныя массы, естественно приведетъ, говорятъ, къ объединенію понятій и слѣдовательно къ гражданскому объединенію всѣхъ сословій. Прекрасныя, но напрасныя надежды! Безумно было бы отвергать великое значеніе науки въ дѣлѣ общественнаго образованія, но въ тоже время должно сказать, что разъ нарушенный уровень общественнаго образованія, и притомъ такъ рѣзко, какъ это случилось у насъ, порвавши естественную близость и связь между сословіями никогда вполнѣ не возстановится при всѣхъ усиліяхъ науки. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы высшіе слои общества остановились въ своемъ развитіи, поджидая, такъ сказать, пока догонять ихъ въ своемъ развитіи низшіе общественные слои. Понятно, что не только желать, но и ожидать этого не менѣе безумно, чѣмъ и вовсе отвергать значеніе науки въ дѣлѣ общественнаго образованія:

разъ возникшей жизни не остановимъ, пока сама неизсякнетъ она. Но отъ этого, Богъ милостивъ, еще очень—и очень далеко наше отечество! Чтоже, ужели нѣтъ и надежды на желаемое сближеніе и объединеніе нашихъ сословія? Да, напрасны будутъ всѣ надежды, если мы въ этомъ дѣлѣ не обратимся къ тому, къ чему слѣдуетъ и безъ чего всѣ усилія наши не достигнутъ своей цѣли. Я говорю о православной вѣрѣ Христовой. Вѣра во Христа и любовь, основанная на этой вѣрѣ—вотъ та неодолимая и всепроницающая сила, которая одна только способна уничтожить и самую рѣзкую разницу между всякимъ званіемъ и состояніемъ; она одна способна довести насъ не только до сближенія и объединенія, но и до вожделеннаго братства. Если же и самая исторія русскаго народа такъ сложилась, что для сближенія и объединенія нашего нѣтъ другой силы, кромѣ силы вѣры Христовой, и если неоднократно жалкія попытки непрошенныхъ русскихъ (если только можно назвать ихъ русскими) организаторовъ какъ нельзя болѣе осязательно показываютъ, что безъ глубоко православно-религіознаго чувства въ душѣ всегда мы будемъ чужды для русскаго народа: то что болѣе остается намъ дѣлать, какъ не взяться всѣми силами за свое православно-религіозное воспитаніе?

Но не одна только нужда въ сближеніи нашихъ сословія ведетъ насъ къ необходимости усиленія нашего религіознаго нравственнаго воспитанія. Если бы даже и безъ этаго возможно было сближеніе и объединеніе нашихъ сословія, то и тогда каждый изъ насъ долженъ носить въ душѣ своей живую вѣру христіанскую, какъ необходимое начало всей нашей гражданской дѣятельности: безъ этаго никакія общества, никакое единодушіе не доведутъ насъ до истинно благихъ послѣдствій. Нужно только всѣми мѣрами остерегаться, чтобы вѣра наша не приняла какъ нибудь политическаго направленія. Тотъ же Западъ Европы, который во многомъ служитъ для насъ руководителемъ на пути гражданской жизни, даетъ намъ самый назидатель-

ный урокъ въ томъ, какъ пагубно и обращеніе вѣры Христовой въ политическое средство и ослабленіе въ народахъ религіозно-нравственнаго чувства. Кто изъ насъ не знаетъ, что дѣлается въ мятежной Бельгій, гдѣ служители вѣры встали во главѣ политическихъ агитаторовъ, и, обративши такимъ образомъ самую вѣру въ политическое средство, во имя вѣры совершаютъ и именемъ вѣры освящаютъ самыя возмутительныя злодѣянія? А что дѣлается въ остальной Европѣ!... Вотъ-теперь у всей Европы на устахъ обаятельное слово свобода; но поглядите, какихъ злодѣяній недѣлается тамъ во имя свободы; сколько отталкивающаго эгоизма и возмутительнаго себялюбія во всѣхъ стремленіяхъ къ свободѣ, сколько бѣдъ, сколько зла потерпѣли и терпятъ государства отъ этихъ стремленій къ свободѣ! А отъ чего все это?—Отъ того, что въ основаніи большей части общественныхъ стремленій нѣтъ того непоколебимо—истиннаго начала, которое бы руководило людей на пути общественной дѣятельности. Мы должны дѣйствовать *яко свободніи, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи* (Петр. 2, 16), а этаго-то и нѣтъ въ большей части общественныхъ стремленій и дѣйствій; другими словами—гражданская жизнь народовъ слишкомъ мало, почти нисколько не проникнута истинными христіанскими началами. И у насъ слишкомъ ощутителенъ этотъ великій недостатокъ. Я не говорю уже о тѣхъ юныхъ, картонныхъ рыцаряхъ либерализма, которые, изъ-за одного безумнаго щегольства, готовы попирать все религіозно-священное, хотя и религію-то знаютъ они—что называется только по наслышкѣ, а такихъ, къ несчастію, распложается у насъ немало. Поглядите и на общее состояніе религіозно-нравственнаго развитія нашего, — что увидите вы?—Большая часть изъ насъ какъ-то умѣетъ жить двойкой жизнью: иногда мы являемся христіаннами, иногдаже, наприм., при отпращиваніи общественныхъ должностей и большей части своихъ частныхъ обязанностей, въ насъ незамѣтишь и слѣдовъ христіанства, и не заподозришь, что это рабы Божіи. Такая разрозненность въ жизни одного и того же существа, такое умѣнье являться, по мѣрѣ надобно-

сти, то въ одеждѣ христіанина, то въ одеждѣ просто гражданина, показываетъ только, что мы ни то ни другое, что мы и плохіе христіане и плохіе граждане. Нѣтъ, двойной жизнью жить нельзя: тотъ только живетъ истинно и плодотворно, въ комъ всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни нераздѣльно воплощены христіанинъ и гражданинъ. Поэтому всѣ силы наши должны быть устремлены къ тому, чтобы наша общественная жизнь всецѣло проникнута была христіанскими началами, чтобы во всѣхъ безъ исключенія дѣйствіяхъ въ насъ видны были рабы Божіи. Тогда и свободны мы будемъ, потому что только рабъ Божій, рабъ правды и добродѣтели и самъ истинно свободенъ и несѣнить свободы другихъ — ни пристрастіемъ, ни завистію, ни ненавистію, ни своеволіемъ, ни насиліемъ и т. п., — и все тогда преуспѣетъ у насъ.

С. А. С.

Разрѣшеніе недоумѣній.

Кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба? (Мар. 16, 3) думали и недоумѣвали св. жены муроносицы, когда шли ко гробу Господа своего, желая, въ знакъ глубокой любви своей къ Божественному учителю, помазать тѣло Его драгоценными ароматами, желая еще разъ взглянуть на Божественный, хотя и безмолвный, ликъ Того, Кто былъ отрадою ихъ и утѣшеніемъ, и по крайней мѣрѣ изъ созерцанія гроба и возлежащаго въ немъ Господа, получить нѣсколько успокоенія для своего больнаго и тоскующаго сердца. Кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба? говорили они рыдая, идя одиѣ въ тишинѣ ночи... Иудеи погребали своихъ умершихъ не такъ, какъ мы; они не клали покойника въ гробъ и не засыпали землею, но от-

носили его въ какую либо пещеру, высѣченную въ скалѣ или утесѣ, и тамъ положивъ его, закладывали входъ тяжелымъ камнемъ. Этотъ-то камень, приложенный ко входу въ пещеру, теперь беспокоилъ и озабочивалъ св. жены муроносицы. Не страшили слабыхъ и беззащитныхъ женъ ни стража, приставленная ко гробу, ни глубокая непроницаемая темнота ночи, ни что другое, чего боялись самые апостолы (Іоан. 20, 19); — только о томъ помышляли онѣ: кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба, чтобы взойти туда, ибо камень былъ слишкомъ большой! Но напрасно смущались и беспокоились благочестивыя жены: когда онѣ пришли, камень былъ уже отваленъ, гробъ отверстъ, жертвы смерти въ немъ не было; надъ мрачной могилой загоралась прекрасная заря вѣчности, занимался ясный день всеобщаго безсмертія. «Что ищете живаго съ мертвыми? воста, нѣсть здѣ», говорилъ свѣтоносный ангелъ пришедшимъ муроносицамъ.

Такъ былъ отваленъ камень скорби и безпокойства для женъ муроносицы. Но кто его отвалитъ для насъ? Кто отниметъ отъ насъ наши скорби и безпокойства? Кто освободитъ насъ отъ разныхъ несчастій, бѣдъ, нуждъ и лишеній, которыя окружаютъ каждый шагъ нашей жизни и давятъ душу нашу, какъ тяжелые камни? Хотя теперь уже давно возсіялъ для насъ день воскресенія Христова, хотя плоды его для всѣхъ открыты и предложены, но не смотря на то, все еще есть между нами люди, для которыхъ не мила и непривлекательна жизнь и чужды ея радости. И неудивительно! Солнце свѣтитъ ясно и природа красуется пышнымъ убранствомъ, но лишенные зрѣнія всего этого не видятъ. Весело и игриво поютъ птицы въ полѣ, журчатъ ручьи и шумятъ зеленныя вѣтви деревьевъ, но лишенные слуха не могутъ воспринимать этихъ пріятныхъ впечатлѣній. Дороги и пріятны для человѣка чувства любви, дружбы и привязанности, но многіе ли ими пользуются? Хороши богатство и почести, но не всѣ ихъ имѣютъ. Хорошо здоровье, но не всѣ имъ наслаждаются. Есть, мо-

жетъ быть, люди, которые и нынѣ говорятъ: «всѣмъ свѣтло и радостно, только намъ темно и скучно!»

Кто отвалитъ намъ камень? скажутъ, наприим., люди, подавленные житейскою заботливостію о будущемъ, которые не безъ причины часто восклицаютъ: что намъ ѣсть, что намъ пить, чѣмъ одѣться? Не о той заботливости здѣсь слово, которая мучитъ человѣка суетными прихотями, вымышленными нуждами, воображаемыми опасеніями: такія жалобы почти не стоятъ вниманія и утѣшенія. Для многихъ будущее дѣйствительно полно различныхъ непріятностей, заботъ и огорченій—и лежитъ камнемъ на сердце. Напр., для бѣднаго человѣка, который не знаетъ, какъ онъ просуществуетъ завтрашній день, будетъ ли имѣть средства къ пропитанію себя и семейства—будущее не есть ли цѣпь тяжкихъ заботъ, безпокойныхъ думъ и ощущеній. Да и для всѣхъ насъ живущихъ въ этомъ бѣдственномъ свѣтѣ, гдѣ все непріязненно и враждебно для насъ, гдѣ каждое удовольствіе достигается множествомъ огорченій, каждый часъ счастливой жизни стоитъ многихъ трудовъ и лишеній,—не есть ли будущее тяжелая забота, камнемъ падающая на душу? Кто же отвалитъ намъ этотъ тяжелый камень?.. А кто отвалилъ камень для женъ муроносицъ? Тотъ же отвалилъ его и намъ. Да и не напрасно ли мы скорбимъ и заботимся объ этомъ камнѣ? Не отваленъ ли онъ уже? Тѣмъ, Кто даетъ пищу каждой плоти, заповѣдуетъ птицамъ питать алчущихъ, одѣваетъ траву пышнѣ Соломона и всегда бываетъ присущъ тамъ, гдѣ нуждаются въ Его пособіи? Заботились о будущемъ жены муроносицы, сокрушались о предстоящихъ препятствіяхъ, когда шли ко гробу Господню; но къ чему послужили ихъ заботы и сокрушенія? Камень отъ гроба былъ уже отваленъ, самый гробъ болѣе не вмѣщалъ смерти, но разливалъ вокругъ себя свѣтъ и жизнь, проповѣдывалъ вѣчное безсмертіе... Такъ и для насъ будущее часто кажется мрачнымъ гробомъ, поглощающимъ всѣ радости; но, приближаясь къ нему, мы видимъ, что этотъ гробъ только видимый и вообража-

емый; видимъ что онъ не скрываетъ и не хоронитъ въ себѣ ничего изъ нашего счастья; радости также остаются, и небесная помощь всегда готова для нашей защиты, пособія и утѣшенія! Итакъ, есть ли причина слишкомъ грустно, уныло, и безнадежно смотрѣть на будущее и вмѣстѣ настоящее? Правда, что въ нихъ много горя, непріятностей и заботъ, постоянно волнующихъ и надрывающихъ наше сердце; но есть также всемогущій источникъ утѣшенія—помощь Божія... Господь Богъ, который напиталъ пятью хлѣбами пять тысячъ народа, всегда найдетъ средства къ нашей жизни, нашему счастью и благополучію!

Кто отвалитъ мнѣ камень? скажетъ несчастный горе-мыка, невидящій ни въ чемъ ни отрады, ни утѣшенія. Здѣсь опять нѣтъ слова о томъ несчастіи, которое происходитъ отъ суетности, излишнихъ желаній, безпорядочной жизни... Но есть несчастіе истинное, каплющее, такъ сказать, кровью, задыхающееся подъ бременемъ скорби. Удручительная болѣзнь, неотразимая бѣдность при всемъ трудолюбіи, незаслуженное униженіе и презрѣніе—вотъ горе, которое ѣсть пепель, какъ хлѣбъ,—пьетъ слезы, какъ воду, которое плачетъ кровью, дышетъ тяжкою болѣзнію. Кто у такихъ несчастныхъ отвалилъ камень отъ сердца? Опять Тотъ же, Кто отвалилъ камень для женъ муроновицъ,—т. е. Господь, Который близокъ ко всѣмъ призывающимъ Его,—Кто врачуетъ недуги, словомъ укрощаетъ яростныя волны,—Кто изцѣлилъ безнадежно—(въ теченіи 30 л.) больнаго,—Кто спасъ вѣрнаго Мардохея отъ злобы и ненависти Амана, Тотъ и ихъ спасетъ и избавитъ отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій; и не только спасетъ, но и прославитъ Своею славою, если они благодушно понесутъ крестъ свой (Рим. 8, 17.).

Кто отвалитъ мнѣ камень? скажетъ отягченная грѣхами совѣсть. Грѣхи для многихъ бремя легкое и нечувствительное; но для того, кто входитъ въ состояніе своей

души, кто вникаетъ въ сущность своихъ мыслей и представлений, кто слѣдитъ за проявленіемъ всѣхъ чувствъ и желаній, и потому хорошо сознаетъ и чувствуетъ, какъ тяжело и много согрѣшилъ онъ передъ Богомъ, для того грѣхи — бремя и бремя слишкомъ тяжелое, не дающее ему покоя ни днемъ, ни ночью, изнуряющее его душу всѣми муками и страданіями? Кто отвалитъ камень отъ этаго, до болѣзни и страданія возбужденнаго въ человѣкѣ сознанія его грѣховности. Кто подастъ прощеніе человѣку — грѣшнику и низведетъ въ душу его миръ и успокоеніе?... Кто же другой, какъ не Господь, какъ не Тотъ, Кто всегда бывалъ помощью и утѣшеніемъ человѣку; Чья святая кровь пролита была за спасеніе людей; Кто послужилъ жертвеннымъ агнцемъ во всесоженіе за грѣхи міра и его освобожденіе отъ грѣха, проклятія и смерти! И стоитъ теперь каждому грѣшнику покаяться предъ Богомъ сердечно и искренно, только обратиться къ Нему всѣми мыслями и желаніями своими, и Господь Богъ проститъ и помилуетъ его, какъ Онъ всегда прощалъ и миловалъ тѣхъ, которые обращались къ нему съ теплою Вѣрою и любовію.

Кто отвалитъ намъ камень? говоримъ мы, приходя на могилы нашихъ друзей и родственниковъ. Кто отвалитъ намъ эти гробовые камни, чтобы увидѣть вѣчное жилище нашихъ умершихъ? Кто сниметъ эту завѣсу, которая скрываетъ отъ нашего взора всѣ судьбы будущей жизни?... Оживутъ ли наши усопшіе братія, оживемъ ли и мы, когда также снесены будемъ на кладбище и положены въ могилы? И какъ оживемъ? Какъ это тѣло и эти кости, которыя мы видимъ въ умершихъ излѣвшими и рассыпавшимися, какъ они вновь примутъ свой видъ и соединятся съ душою? Вотъ вопросы, которые занимаютъ нашъ умъ, тѣснятъ сердце, и которые, однакожь, не могутъ быть рѣшены естественными сужденіями и соображеніями человѣка. Кто же разъяснитъ наши недоумѣнія, кто отвалитъ камень тяжелыхъ сомнѣній? Опять никто другой, какъ Господь Иисусъ Христосъ. Онъ своею смертію и воскресеніемъ од-

нажды и навсегда показалъ всѣмъ людямъ, какъ легко Тому, Кто обладаетъ живыми и мертвыми, жизнью и смертію, — отвалить камень смерти, облечь духъ плотію! Теперь, не обвинуясь можно отвѣчать апостольскимъ словомъ всякому сомнѣвающемуся въ воскресеніи тѣлъ нашихъ: «безумне! ты еже сѣяши, не оживетъ аще не умретъ; и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ.» Теперь со всею торжественною радостію можно восклицать: «гдѣ твое, смерть, жало? гдѣ твоя, адъ, побѣда? Христосъ воскресъ и жизнь жительствуетъ!

Такъ жены мурносицы шли ко гробу Воскресшаго съ прискорбіемъ и слезами; но возвратились отъ него съ утѣшеніемъ и радостію; они увидѣли и увѣровали, что напрасно сокрушались и напрасно искали живаго между мертвыми; Онъ воскресъ и ихъ воскресилъ къ радости. Нѣтъ сомнѣнія, что и изъ насъ труждающіеся и обремененные то житейскими заботами, то временными бѣдствіями, то чувствуемыми грѣхами, то разлукою съ родными и друзьями, найдутъ утѣшеніе въ Вѣрѣ Воскресшаго Господа. Ибо Воскресеніе Христово есть для всѣхъ залогъ вѣчной жизни, ручательство спасенія и источникъ полной радости и блаженства.

П.

Святые жены у гроба Господня.

Среди страданій и чудесъ,
Почилъ Онъ жертвой примирѣнья:
Свершилось дѣло искупленья,
Угаснулъ правый гнѣвъ небесъ.

Царя небеснаго срѣтая,
Трепещуть адовы врата,
И дверь потеряннаго рая—
Землѣ какъ прежде отперта.

Умолкла смерти алчной злоба
Предъ Побѣдителемъ,—и Онъ
Возсталъ изъ сумрачнаго гроба
Лучами славы окруженъ.

Возсталъ—и звѣзды золотыя
Въ восторгъ и радость облеклись,
И гимны Ангеловъ святые
Ему на встрѣчу раздались.

По утру, полныя тоскою,
Къ пещерѣ три жены пришли;
Сосуды съ муррой дорогою
На гробъ Христа онѣ несли.

Склонивъ колѣна, со слезами
Глядятъ:—Его во гробѣ нѣтъ.
Все пусто.... вдругъ предъ ихъ очами
Блеснулъ нежданно дивный свѣтъ,

Какъ яркой молніи сіянье,—
И вѣстникъ радостный небесъ,
Представъ вѣщаль: «Къ чему рыданья?
Христось воскресъ! Христось воскресъ!»

Христось воскресъ! о, слово это
Мы будемъ вѣчно повторять:
Въ немъ тайна новаго завѣта,
Въ немъ нашей жизни благодать.

Оно, какъ вѣстникъ возрожденья,
Проникнетъ въ мракъ нѣмыхъ гробовъ,
И будетъ знакомъ пробужденья
Для милліоновъ мертвецовъ.

Праздникъ Преполовенія.

Въ праздникъ Преполовенія Православная церковь часто повторяетъ слѣдующую знаменательную пѣснь, выясняющую намъ смыслъ и значеніе самаго Праздника:

«Преполовившуся празднику, жаждущую мою душу благочестія напои водами, яко всемія Спасе возопилъ еси: жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да пѣеть; источниче жизни нашея, Христе Боже, слава Тебѣ.» (Тропарь Праздн.)

Слушая эту пѣснь, невольно переносишься во глубину древности; видишь народъ Божій, изведенный рукою Божіею изъ рабства Египетскаго. Вотъ онъ сорокъ лѣтъ идетъ въ землю, ему обѣтованную, идетъ подъ палящимъ небомъ юга по сухой, безводной, каменистой пустынѣ—Аравійской... Что же удивительнаго, если на этомъ продолжительномъ и скудномъ пути онъ часто терпитъ жажду, а усилившаяся жажда, побѣдивъ въ немъ силу терпѣнія, изторгаетъ изъ сердца его уже не гласъ вѣры, молящейся и надѣющейся, а гласъ отчаянія и ропота на Бога?—Гораздо удивительнѣе, по видимому, когда нынѣ мы—Христиане, проходя сорокодневный путь празднованія Пасхи, небѣдственно странствуемъ по пустынѣ безводной, гдѣ нужно чудодѣйственно источать воду изъ камня, когда ея нѣтъ, или подслащать древомъ, когда она есть—и то горькая; но какъ богатые путешественники, среди торжествъ и ликованій Церкви, весело проходимъ путь отъ Голгофы до Елеона, гдѣ, послѣ того, какъ камень отваленъ отъ гроба Иисусова, нѣтъ болѣе камня претыканія, который бы преградилъ источникъ воды живыя, дарованной намъ въ Его воскресеніи, нѣтъ такой горести, которой бы не усладило древо Креста Христова;—и на половинѣ этаго-то крат-

каго пути, обильнаго всеми радостями жизни духовной, душа вѣрующая, устами матери своей — Церкви, вопіетъ, что она — жаждетъ! Жаждетъ водъ благочестія, окруженная отовсюду водами благочестія, вопіетъ къ Источнику жизни, когда видитъ Его — и не въ темной глубинѣ предчувствій и прообразованій, а въ полномъ разлитіи Его благодатныхъ даровъ. Что же это за вопль души, томящейся жаждою благочестія? Есть ли это вопль страданія безнадежнаго, или, можетъ быть, это гласъ вѣры, потому только непрестающій, что насыщеніе ея сладостями благочестія не престанетъ до самой вѣчности?

Такъ точно, состояніе души, жаждущей благочестія, не есть состояніе, опасное для благочестія. Напротивъ, какъ тѣлесная жажда, или постоянное желаніе вкушать одно какое нибудь любимое питье, не есть случайная прихоть вкуса, раждающаяся иногда изъ ненормальнаго состоянія тѣлеснаго организма, но является въ человѣкѣ въ слѣдствіе особеннаго расположенія, образовавшагося долговременною привычкою: такъ и духовная жажда — жажда благочестія не есть плодъ минутнаго увлеченія сердца, мимолетной возторженности духа; но также есть особенный вкусъ къ духовнымъ услажденіямъ, образующійся въ духъ долговременнымъ упражненіемъ въ дѣлахъ благочестія. Потому нельзя представлять, будто гласъ души, жаждущей благочестія, есть вопль болѣзненный, нарушающій въ душѣ празднующихъ созвучное настроеніе радостныхъ ощущеній свѣтлаго Праздника. Нѣтъ! это блаженное состояніе души, о которомъ сказалъ Спаситель: *блаженни жаждущіи правды* (*) — правды Евангельской.

Жажда благочестія бываетъ различна, по различію внутренняго настроенія жаждущихъ. Но какая бы ни была эта жажда, источникъ жизни, изторгшійся изъ гроба Христа —

(*) Матѳ. V. 6.

Жизнодавца въ животворной силѣ Его свѣтлаго воскресенія, такъ полонъ многообразныхъ утѣшеній для вѣры, что можетъ усладить всякій вкусъ души благочестивой. И такъ — *жаждай да грядетъ къ Нему и да пьетъ!* Тебя услаждаютъ благочестивыя размышленія? Гряди къ воскресшему своею мыслию; погружайся и во мракъ гроба Его и въ свѣтозарную славу Его воскресенія: сколько таинствъ смотрѣнія Божія о человѣкѣ! сколько откровеній вѣры о будущей судьбѣ его! — Ты любишь молитву? Возносись умомъ и сердцемъ своимъ къ Небу: когда съ Неба льютъ къ намъ въ лучахъ любви Божіей свѣтлыя надежды, тогда вѣрѣ нашей и молиться сладко и вѣрить легко! — Утѣшаютъ ли кого и другія дѣла благочестія — посѣщеніе храма Божія, благотворенія бѣднымъ, благочестивыя бесѣды? Чего желать болѣе? Въ храмахъ льются звуки торжественной пѣсни воскресенія Христова. Радостная пѣснь сія невольно отверзаетъ сердца и для благотвореній ближнему и для искреннихъ изліаній дружбы и христіанскаго братства. Словомъ сказать: назиданія и утѣшенія, сладкія надежды на блаженство и восторги его предвкушенія, благодушіе въ скорби и пріятная любообщительность въ благополучіи, — всѣ эти струи благочестивыхъ созерцаній, вдохновеній, расположеній, или, по обилію ихъ, всѣ эти *воды благочестія* отъ источника жизни — Христа воскресшаго нынѣ обильно *восходятъ до души нашей* въ сладкихъ ощущеніяхъ Его пришедшаго и нашего грядущаго воскресенія! Не правда ли посему, что состояніе души, жаждущей благочестія, среди самаго обилія благочестивыхъ услажденій, есть состояніе души глубоко познавшей сладость благочестія, слѣдовательно состояніе на землѣ самое блаженное?

Къ несчастію такихъ жаждущихъ немного; больше такихъ людей, которые не чувствуютъ этой блаженной жажды, среди всѣхъ возбужденій къ благочестію. Они или не пріобрѣли, или потеряли вкусъ къ наслажденіямъ безсмертнаго духа. Обучивъ чувства свои только искусству бороться съ волнами житейскаго моря, многіе привыкли пить только его соленую, горькую воду заботъ и напастей, и по этой

привычкѣ, не чувствуютъ потребности въ лучшей, сладостной водѣ благочестія—въ наслажденіяхъ духовныхъ. Иго Христово, для другихъ благое и легкое, для нихъ—и подвигъ невыносимый и жертва насильственная: живая вода ихъ не оживляетъ. Другіе имѣютъ болѣе естественной, а при добромъ воспитаніи, и привычной готовности вкушать и отъ водѣ благочестія не безъ услажденія внутренняго, имѣя живое чувство и мягкую душу, воспріимчивую для впечатлѣній духовнаго міра; но, по этой же причинѣ, плѣненные соблазнами *міра прелюбодѣйнаго и грѣшнаго* они, *оставивши источники воды живыя*, подобно плѣннымъ Израильтянамъ, *сидятъ при рѣкахъ Вавилонскихъ* упоеній, съ горестію видя, какъ трудно имъ возвратитъ вкусъ къ наслажденіямъ Сіона: *на вербійхъ посреди Вавилона* они *объсили органы свои*.—Чувственные органы привязали къ однимъ предметамъ чувственнаго міра. А съ чувствами, невольно упивающимися только сладостями чувственныхъ удовольствій, съ воображеніемъ, плѣняющимся только образами, пріятными страстямъ, они и на Сіонѣ—въ церкви, ихъ породившей водою и духомъ, — *на земли чуждей!* Какъ же *воспоютъ* они *пѣснь Господню*—радостную пѣснь Воскресенія среди самыхъ ликованій церкви?

Правда, они воспоминаютъ и Сіонъ, но такъ, какъ взрослый, не безъ тайной впрочемъ грусти, вспоминаетъ наслажденія дѣтства, не имѣя уже вкуса къ наслажденіямъ дѣтства. Это состояніе—опасное очарованіе чувствъ, живыхъ и острыхъ, пока онѣ еще не притупились отъ частаго прикосновенія къ плѣняющимъ ихъ предметамъ. Будетъ время, когда обветшавшіе органы ихъ спадутъ съ этихъ Вавилонскихъ вербій и, можетъ быть, возвратятъ имъ потерянный вкусъ къ услажденіямъ Сіона. Дай Богъ!

Впрочемъ—что чаще случается—и во дни разочарованія чувствъ, не будетъ ли это скорѣе ложный вкусъ къ благочестію, не менѣе опасный для истиннаго благочестія? Укажемъ на Израиля: Когда Христосъ пришелъ на землю, Онъ нашелъ его такимъ старцемъ, который, на концѣ

дней своего политическаго и подзаконнаго существованія, опираясь на мертвую букву закона, въ ней одной находилъ опору и отраду для своей вѣры и нравственности. Что же могло породить это ложное направленіе благочестія, кромѣ фарисейства, которое, *оставивъ вѣщшее закона—судъ и милость и вѣру* (*), услаждалось только тѣмъ, что, не имѣя духа благочестія, имѣло одинъ видъ благочестія? А въ этомъ состояніи можно только, такъ сказать, прикасаться устами къ водамъ благочестія, не вливая въ себя его силы и жизни. Таковы вообще люди, не пріобрѣтшіе или лишившіеся вкуса къ услажденіямъ въ благочестіи: они не знаютъ или позабыли лучшее благо души, какое только возможно найти на землѣ.

А между тѣмъ это благо къ намъ такъ близко и доступно, что воды благочестія, которыхъ такъ жаждетъ душа благочестивая, изъ невещественной области благодати небесной, по всемірному ихъ обилію, переливаются нынѣ для насъ даже во глубины вещественной воды, которая, питая насъ тѣлесно, отъ погруженія въ ней животворящаго древа креста Христова, получаетъ силу питать насъ и духовно. О чемъ молить Церковь при освященіи воды? Молить чтобы, *нашлѣмъ на насъ Духа святаго, просвѣтитися намъ просвѣщеніемъ разума и благочестія!* (**)

Такимъ образомъ земля и небо открываютъ намъ источники *воды живыя, текущія въ животъ вѣчный!*.. *Жаждущіи идите на воду!* Животворящій Крестъ Христовъ и здѣсь будетъ предшествовать намъ въ нашемъ оживленіи, какъ онъ предшествовалъ Христу въ Его вос-

(*) Матѣ. XXIII. 23. (**) Ектен. на освящ. воды.

кресени. Кто не оскудѣваетъ вѣрою, тотъ не оскудѣетъ и въ дѣлахъ благочестія: *врудай, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.* (*)

Протоіерей А. Авиновъ.

СЕЛЬСКІЯ СЦЕНЫ НА ПАСХЪ.

III.

(Окончаніе.)

ВЕЧЕРЪ СВѢТЛАГО ДНЯ.

По окончаніи всѣхъ частныхъ молебновъ, т. е. когда образа бываютъ обнесены по всѣмъ домамъ, сельскій староста и міряне готовятъ въ конпѣ или среди села столъ, ставя на него хлѣбъ, соль, яйца, и подъ него—овесъ сѣно и другія принадлежности и продукты деревенской жизни... Когда все бываетъ готово, священникъ отпѣваетъ общій или иначе мірской молебенъ и послѣ него, обыкновенно, благодаритъ народъ или въ простыхъ, короткихъ словахъ, или же сказываетъ народу какую нибудь, приточную этому случаю, рѣчь. Такъ, въ настоящій разъ священникъ села, сцены котораго мы разсматриваемъ, обратился къ своему народу съ слѣдующей рѣчью:

— «Первое мое дѣло, православные,—благодарить васъ, что вы исполнили христіанскій долгъ,—какъ слѣдуетъ, и приняли въ свои дома иконы Божіи. За это я говорю вамъ отъ души спасибо. Во вторыхъ, православные, я хотѣлъ бы поговорить съ вами объ одномъ важномъ и для меня, и для васъ обстоятельстве... Согласны ли меня вы выслушать?

(*) Іоан. VII, 38.

— Согласны, батюшка, отвѣчаетъ народъ.

— «Ну такъ вотъ что: къ несчастію и искреннему моему огорченію я не могъ не замѣтить, что многіе изъ васъ не такъ понимаютъ мои служебныя обязанности, и не такъ смотрятъ на мои отношенія къ вамъ... Многіе изъ васъ несправедливо думаютъ, что я прихожу къ вамъ съ образами, съ крестомъ, или съ святой водой единственно изъ одного побужденія—собрать съ васъ деньги... Вслѣдствіе чего, нѣкоторые изъ вашихъ собратій или прячутся отъ меня, или, при уплатѣ денегъ, торгуются со мной, какъ съ барышникомъ. Но увѣряю васъ, что первая и главная цѣль моихъ посѣщеній вашихъ домовъ, въ пасху ли, или въ другое какое время—есть та, чтобы исполнить мой долгъ, чтобы соблюсти священный и древній обычай съ пользою и благотворностію для васъ. Требованье же съ васъ денегъ или уплаты съ вашей стороны за мои труды—стоитъ у меня на второмъ планѣ и допускается только, какъ горькая необходимость, потому что другихъ средствъ для жизни, кромѣ помощи вашей, я не имѣю никакихъ. А я самъ очень хорошо сознаю, что священнику, какъ духовному отцу своихъ прихожанъ, какъ раздаателю даровъ небесныхъ, полученныхъ имъ тунѣ, словно бы вовсе неприлично—брать съ своихъ духовныхъ дѣтей за сообщаемые имъ дух. дары; по крайней мѣрѣ это неумѣстно дѣлать самому священнику, и тѣмъ болѣе—тотчасъ по совершеніи имъ какой нибудь духовной требы; потому что это какъ—то неволью даетъ поводъ думать прихожанамъ, будто священникъ совершаетъ для нихъ требы только по желанію взять съ нихъ за то награду и проч... Имѣя это въ виду, я, православные, и рѣшился просить васъ о томъ: не опредѣлите ли вы сами какой нибудь платы за мои труды, такъ чтобы это было безобидно и для васъ и для меня, и вообще—было дѣло любовное?—и еще: не выберете—ли вы изъ среды своей какого нибудь человѣка, который бы принялъ на себя трудъ завѣ-

дывать моими доходами, т. е. въ известное время — собрать ихъ съ прихожанъ, смотря по числу исправленныхъ мною у каждаго изъ васъ требъ, — и потомъ, при случаѣ, — представить ихъ мнѣ или причту. Эта мѣра кромѣ того, что избавила бы меня отъ тяжелой необходимости самому расчитываться съ вами за наши труды, и тѣмъ подвергать себя вашему недовѣрію и нерасположенію, но дала бы мнѣ положительную возможность быть вамъ болѣе благотворнымъ и полезнымъ, потому что это время я старался бы употреблять на духовную бесѣду съ вами, на разные совѣты и размышленія о христіанскихъ обязанностяхъ или другихъ близкихъ и почему либо важныхъ предметахъ.»

Священникъ кончилъ, и выжидалъ отвѣта на свое слова; долго никто не отвѣчалъ, наконецъ одинъ изъ почтенныхъ стариковъ сказалъ священнику:

— О томъ, какую плату тебѣ положить за требы, мы пожалуй потолкуемъ; а чтобы ктонибудь взялся за тебя собирать деньги, такъ я незнаю найдется ли охотникъ на это.

— А вотъ хоть бы сельскій староста принялъ на себя эту обязанность, сказалъ священникъ.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, ослободи меня, возражаетъ староста: мнѣ и мірскіе — то сборы ужъ очень надоели!

— Такъ какъ же быть? — изъясните кто —нибудь желаніе.

— Никому, батюшка, не захочется взять на себя эту обузу, отвѣчаетъ опять староста. Другое дѣло, если бы вы жалованье положили тому человѣку, — али ужъ начальство такъ приказало, — а то иначе — никто не возметъ за это дѣло.

— Жалованья я, друзья положить не могу, потому что самъ — то не получаю никакого жалованья, сказалъ священникъ... Нѣтъ ужъ вы безъ жалованья какънибудь найдите человѣка... Подумайте о моемъ пред-

ложеніи, — вѣдь я хлопочу, сколько для себя, столько же и для вашей пользы...

— Подумать, батюшка, подумаемъ, а обѣщать не можемъ...

Священникъ задумался; равнымъ образомъ и народъ, нѣсколько минутъ пошумувавши между собой и поговоривши, замолчалъ. Предпріятіе священника, несмотря на свою благую цѣль, какъ оказалось, осталось безъ всякаго добраго послѣдствія, и вѣна этаго, разумѣется, не на сторонѣ священника, а на сторонѣ прихожанъ, которые не хотѣли поддержать его доброе намѣреніе.

Послѣ этаго, священникъ, простившись съ народомъ, велѣлъ нести образа въ церковь, и самъ отправился вслѣдъ за ними — разоблачаться... За тѣмъ день пошелъ своимъ чередомъ, какъ всегда бываетъ, однимъ для радости, другимъ для горя.

И между прочимъ не радостенъ воротился въ свой домъ самъ священникъ. Неохотно онъ отвѣчалъ на распросы своей супруги, которая, замѣтивъ его пасмурное лицо, хотѣла было узнать о причинѣ его растройства. У кого на душѣ не весело тому и говорить какъ — то не хочется; тогда даже и искреннее участіе скорѣе не утѣшаетъ, а раздражаетъ. Однако священникъ крѣпился: онъ хорошо зналъ, что переживаетъ такіе святые дни, въ которые грѣшно поддаваться вліанію печали и скорби. Желая какънибудь разсѣять и по-

давить въ себѣ тяжелыя думы и ощущенія, онъ взялъ какую — то изъ не многихъ, находившихся у него, книгъ, и принялся читать ее; но чтеніе не могло взглянуть въ душѣ горькихъ впечатлѣній, не могло оторвать прежнихъ тяжелыхъ образовъ и представлений. Мысли его противъ воли отъ книги обращались

къ предметамъ насущныхъ матеріальныхъ нуждъ, которыя камнемъ лежатъ на душѣ почти каждаго сельскаго священника. Горькая обидная дѣйствительность неотвязно вертѣлась передъ его глазами съ своимъ тяжелымъ бесплоднымъ трудомъ, нерадостнымъ воспоминаніемъ и безутѣшнымъ будущимъ. А досужливое воображеніе, въ противорѣчіе дѣйствительности, какъ нарочно, представляло другія картины и образы, — картины жизни, посвященной не черному, какъ въ дѣйствительности, труду, а благородному, духовному, — представляло настоящее и будущее такіе ми, которыя не только не препятствуютъ, но еще споспѣшествуютъ возможности честно и благотворно трудиться, какъ для собственнаго усовершенствованія, такъ и для исправленія и усовершенствованія другихъ. «Ужель такъ будетъ всегда, думалъ священникъ: ужель вѣтъ средствъ къ лучшимъ, болѣе пріязненнымъ и благотворнымъ отношеніямъ отца духовнаго — къ своимъ дѣтямъ, учителя къ ученикамъ?.. А пожалуй, что вѣтъ; вотъ я было предложилъ нѣкоторыя средства хоть сколько нибудь облагородить отношенія наши, — но ничего не вышло. Должно быть такъ будетъ всегда, и ничего, видно, не подѣлаешь съ этимъ народомъ, который въ священникѣ ничего больше не видитъ и не желаетъ видѣть, какъ равнаго себѣ во всемъ — по складу ума, по обычаямъ жизни, по предметамъ занятія и проч.; живи какъ они, въ курной избѣ, паши землю, ходи за скотиной въ грязномъ овчинномъ полушубкѣ, раздѣлай всякую кампанію съ мужикомъ, имъ давай всего, а себѣ ничего не требуй, — вотъ и хорошій будешь для нихъ священникъ».. Въ самомъ дѣлѣ такъ, подтверждалъ самъ себя священникъ, вспомнивши какъ ему разъ мужики, по поводу, между прочимъ, сказанныхъ имъ словъ, что нужно ему голландскую печку сложить въ комнатѣ, прехладнокровно замѣтили: «за чѣмъ тебѣ, батюшка, голландскую печку: мы у себя никогда не строимъ, — русская теплѣе.» Подобныя наивныя выра-

женія ему не разъ приводилось выслушивать, какъ скоро онъ заявлялъ желаніе жить и дѣйствовать какъ нибудь иначе, нежели его односельцы — мужички. «Наконецъ грустно, нестерпимо становится,» размышлялъ и говорилъ священникъ, противъ воли увлекаемая потокомъ нахлынувшихъ въ душу его безутѣшныхъ и безрадостныхъ мыслей... «Теперь жизнь не мила, когда семейство еще небольшое, что же будетъ дальше?»..

Мы съ своей стороны не можемъ не замѣтить, что священникъ не совсѣмъ справедливо дошелъ до состоянія такой грусти и безнадежности. Невелика еще бѣда, что мужики несогласились на его предложеніе, должно было снести этотъ ударъ, но не отчаиваться въ лучшемъ и все — таки стремиться къ достиженію его, употребляя для этаго всѣ силы и преодолевая всѣ препятствія. Никакое хорошее дѣло не дается легко; всякое доброе намѣреніе и стремленіе достигается рядомъ неослабныхъ и энергическихъ усилій. Когда человекъ идетъ твердо къ достиженію предположенной цѣли, постоянно, настойчиво и разумно помогаетъ ей: то обыкновенно достигаетъ ее. Положимъ, крестьяне теперь (большею частію) дѣйствительно, хладнокровно относятся къ положенію священника: ѣшь онъ однѣ сухія корки, одѣвайся и одѣвай дѣтей въ рубище, до упаду ходи за сохой и жни на пашнѣ съ своимъ семействомъ до кроваваго пота, онъ никогда не придутъ къ мысли, что священнику съ семействомъ слѣдовало бы жить почище, получше, вѣтъ болѣе ужъ сами собой не предложатъ и не дадутъ средствъ къ улучшенію быта священника и его причта. Это вѣрно (*). Но и въ томъ будетъ доля не-

(*) Намъ, потому, совершенно непонятнымъ кажется, когда нѣкоторые столичные и городскіе писатели, разсуждающіе о средствахъ улучшенія быта сельскаго духовенства, и изучающіе рускій народъ не наглядно, не въ живомъ съ нимъ соприкосновеніи, а по книгамъ, — все улучшеніе быта сельскаго духовенства предоставляютъ единственно милости и добродушію прихожанъ.

сомнѣнной правды, что когда священникъ, прощая ихъ невнимательность къ его предложеніямъ, совѣтамъ и убѣжденіямъ, все-таки, не ослабѣвая, будетъ повторять ихъ, не потерявъ терпѣнія, будетъ склонять ихъ къ представленнымъ имъ мѣрамъ улучшения и облагороженія взаимныхъ отношеній; будетъ благо разумно склонять ихъ въ сочувствію себѣ и своему бѣдственному положенію, и притомъ явится достойнымъ этого сочувствія за свою полезную дѣятельность и добрую жизнь: то крестьяне, безъ сомнѣнія, будутъ щедрѣе къ нему, и если не изъ признанія необходимости жить священнику лучше, обеспеченнѣе, чтобы у него было больше времени на духовныя занятія, — то, изъ уваженія къ просьбамъ священника, будутъ давать ему большую помощь, чѣмъ прежде, или чѣмъ другому священнику, не заявляющему для прихожанъ своихъ никакого добра, услугъ и пользы.

Часовъ въ семь вечера, въ комнату священника пришли причетники и попросили его — раздѣлить деньги, доставшіяся имъ въ общество за праздникъ. Священникъ молча вынулъ изъ столика холщевый мѣшокъ и высыпалъ деньги на столъ; мѣдные пятаки, гроши, копейки и полкопейки рассыпались по столу. Стали считать по гривенникамъ и насчитали 10 р. с. Священникъ взялъ изъ нихъ себѣ 6 р., дьячки по два. Жена священника, сидя въ сторонѣ, безмолвно и печально наблюдала за дѣломъ.

— Вотъ, матушка, и поживи на два рубля все лѣто, до сватокъ, (*) сказалъ дьячекъ, поднимаясь изъ за стола и относясь къ женѣ священника.

(*) Доходы на Пасхѣ — самые большіе у сельскихъ причтовъ; потомъ въ цѣлое лѣто, до осеннихъ свадебъ, за мѣкія требы, рѣдко гдѣ наберется въ кружку рубл. до пяти.

— И намъ немногимъ больше — то досталось по нашимъ расходамъ, тихо проговорила женщина. — Въ прежнія времена, при отцѣ Александрѣ, больше нахаживали за пасху, съ недовольнымъ видомъ замѣталъ пономарь. Вы батюшка, многимъ спускаете, замѣтилъ онъ священнику: вы не припугнете ихъ никогда, а они и рады — хоть ничего не давать; а вѣдь намъ — ѣсть — пить надо; работы приходятъ — соху да телегу не съ чѣмъ будетъ справить.

— Эхъ, Абрамычъ, — неговоришь ужь пожалуйста ничего. Неменьше твоего мнѣ горько, что мало досталось, да что ты будешь дѣлать! — не могу, не могу просить, хоть бы и хотѣлъ. Ты говоришь — тебѣ деньги нужны. А мнѣ — то развѣ не нужны? Вотъ ты самъ и посеешь и запашешь и уберешь поле, а я все это дѣлай — или наймомъ или помочью, потому что самъ не умѣю ни пахать ни косить, ни другой работы справить. Ты по крайней мѣрѣ, и телегу самъ починишь и соху — то справишь; а я по этому дѣлу ходи къ людямъ, кланяйся имъ да деньги давай. «Ужъ въ самомъ дѣлѣ, нравственно не легче — ли положеніе моихъ причетниковъ, чѣмъ мое? подумалось священнику. Тѣ, съ дѣтства исключенные изъ училища, имѣли время приучиться къ сельскимъ занятіямъ и приобрѣли умѣнье всякое дѣло и всякую нужду справлять сами собою. Я же, проведши 12 лѣтъ въ училищѣ и семинаріи, какія знанія приобрѣлъ тамъ, пригодныя для сельскаго земледѣльческаго быта? Къ чему теперь мнѣ годятся знанія о разныхъ индѣйскихъ и романскихъ народахъ, о безчисленныхъ великихъ и малыхъ битвахъ на сушѣ и на морѣ? Къ чему пригодны высшія счисленія математики, когда у меня больше 10-ти рублей въ рукахъ не бываетъ? Чему пособить знаніе латинскаго, греческаго языковъ и правилъ высшаго краснорѣчія, когда и обыкновенныхъ — то моихъ — русскихъ и безыскусственныхъ рѣчей часто не понимаютъ крестьяне? Благодарнѣе я былъ бы мѣсту своего воспитанія, еслибъ оно, вмѣсто изъ-

лишнихъ, никогда, ни въ маломъ, ни въ большомъ непримѣнимыхъ къ жизни свѣдѣній, научило меня тому, что существенно необходимо деревенскому жителю, когда положеніе священника ни чѣмъ тамъ не разнится отъ положенія простолюдина! Пусть, по крайней мѣрѣ, не смѣялись бы тогда надъ мной прихожане, постоянно попрекая, что я «учился, учился, а лошадей запрячь не умѣю, или чтонибудь подобное...»

Мы видимъ, что священникъ нѣсколько, какъ говорится, «зарапортовался» въ своихъ разсужденіяхъ, усомнившись въ пользу нѣкоторыхъ семинарскихъ наукъ. Но его поспѣшныя мысли могутъ быть извинены тѣснымъ и непріятнымъ душевнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. А извѣстно, въ состояніи скорби и недовольства человѣку не легко остаться безусловно справедливымъ въ своихъ сужденіяхъ!..

Между тѣмъ какъ на душѣ священника было такъ мало отраднаго и свѣтлаго, внѣ его дома, въ деревнѣ, было замѣтно живое разнообразіе: пѣсни, крики, веселыя восклицанія слышались отовсюду. Позже, впрочемъ, это веселье приняло довольно неблагообразные виды. Показалось много людей, которые, на радостяхъ праздника, были уже слишкомъ «выпивши». Бранные слова—чаще и чаще стали раздаваться по улицѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣкоторые, такъ недавно еще обвинявшіе и цѣловавшіе другъ друга по христіанскому обычаю, уже затѣвали ссору, состоящую далеко не въ братскихъ потасовкахъ и кончавшуюся разбитіемъ носовъ и увѣчемъ. Гдѣ-то за селомъ, молодые люди мужчины и дѣвицы, возвращаясь съ веселой гуляки пѣли «Христосъ воскресъ», на манеръ простонародной пѣсни и страшно коверкая слова. «Противъ всего

этого нужно бы говорить и говорить народу,» подумалъ Священникъ, прислушиваясь къ пѣнью, крикамъ и воплямъ на улицѣ: «но пожалуй только раздражишь прихожанъ: еще и на помочь не пойдутъ,—и онъ махнулъ рукой примолвя: дѣлать нечего—приходится видно помолчать пока».

Г. П.

Редакторы: *И. Тихонравовъ, и Г. Полисадовъ.*

Дозволено цензурой 15 Мая 1864 года. Цензоръ Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Луценалій.*

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.